

Просторный задний двор дышал прохладой. Стоило Люцзину шагнуть к дверям кухни, как воздух перед ним пошел рябью, соткавшись в плотный черный силуэт. Присмотревшись, он узнал дворцового прислужника.

— Судья, — склонился призрак. — Его Величество призывает вас и Цзюцина в Палату Яньло.

«Значит, Яньгу уже встретился с Вэй Чжияэ», — смекнул Люцзин и небрежно махнул рукой, отпуская посланника:

— Ступай. Мы сейчас будем.

Прислужник почтительно поклонился и растаял в воздухе. Люцзин задумчиво нахмурился. Наверняка Яньгу вызвал их ради того, чтобы Цзюцин смог напоследок взглянуть на дочь. С одной стороны, это приносило облегчение, с другой — щемило сердце жалостью к другу. Пока он предавался унылым мыслям, дверь кухни со скрипом отворилась. На пороге показался Цзюцин с тяжелым бамбуковым коробом за плечами, где лежали аккуратно разделанные останки. Заметив мрачное лицо Люцзина, он лишь вздохнул, решив, что приятель просто не на шутку захмелел.

— Пора и честь знать, — добродушно проворчал Цзюцин. — И откуда в тебе эта бездонная тяга к хмельному? Да, хозяин лавки привечает нас и поит задаром, но нельзя же из чистой наглости высушить весь его погреб!

Люцзин подождал, пока тот подойдет поближе, и невесело усмехнулся:

— Если бы дело было только в вине, я бы и горя не знал. Моим жалованьем за последние месяцы распоряжаешься ты. Так что, если хозяин потребует плату, просто раскошелишься — делов-то.

Цзюцин картинно закатил глаза и принялся стаскивать лямки короба. Люцзин перехватил у него тяжелую ношу.

— С твоими аппетитами никаких грошей не хватит, мне бы за жилье расплатиться, — хмыкнул Цзюцин. — Но если дела плохи не из-за выпивки, чего ты тогда стоишь темнее тучи?

Люцзин тихо вздохнул. Рано или поздно скрывать правду все равно бы не удалось, хотя беречь душу друга не хотелось.

— Нас призывает Владыка Яньгу. Срочно, в Палату Яньло.

Цзюцин испуганно округлил глаза:

— Пресветлые боги! Неужто он разузнал, о чем мы судачили намеренно, и теперь собирается взгреть нас обоих? Слушай, если запахнет жареным, прикрой меня. Ты все-таки Судья, на тебя он точно всех собак не спустит.

Мысленно поразившись столь буйной фантазии приятеля, Люцзин все же немного расслабился — по крайней мере, Цзюцин пока ни о чем не догадывался. Отставив короб в сторону, Судья щелчком пальцев отправил хозяину лавки магическое послание, после чего крепко взял друга за плечо. В то же мгновение оба они растаяли в воздухе.

Даже у самых дверей Палаты Яньло Цзюцин продолжал испуганно шептать, умоляя принять весь удар на себя, если Владыка начнет метать громы и молнии. Люцзину и самому было любопытно, способен ли холодный Яньгу на столь бурные эмоции, однако пустую болтовню спутника он попросту пропустил мимо ушей.

Тяжелые створки врат, почуяв ауру Судьи, беззвучно разошлись в стороны сами, без помощи невидимых слуг. Люцзин и Цзюцин бок о бок перешагнули порог.

Огромный зал казался непривычно пустым: Яньгу заблаговременно выставил вон даже личную стражу.

В воздухе висело гнетущее, почти осязаемое напряжение. Посреди зала, прямо перед судейским возвышением, на коленях стояла хрупкая дева. По бокам от нее застыли безмолвные стражи — Черное и Белое Непостоянство. Владыка Яньгу восседал на своем троне, строгий и бесстрастный. С появлением вошедших взгляды всех присутствующих скрестились на них.

Люцзин мгновенно оценил обстановку, поняв причину столь гробового молчания. Лишь наивный Цзюцин растерянно озирался по сторонам, не понимая, что происходит. «Неужели он действительно до сих пор не знает о существовании Вэй Чжияэ?» — мелькнула у Судьи любопытная мысль.

Сделав несколько шагов вперед, Люцзин почтительно склонился в поклоне:

— Владыка, Цзюцин прибыл по вашему зову.

Не поднимая глаз, Судья кожей чувствовал, как друг буравит его недоумевающим взглядом.

Цзюцин еще раз зыркнул по сторонам. Заметив, что даже обычно добродушный Фань Уцзю насупился пуще тучи, он окончательно перепугался. Колени его подогнулись, и он мешком рухнул на плиты пола:

— Владыка! Пощадите скудоумного! Я раскаиваюсь от всего сердца! Те слова... я ведь не со зла ляпнул, честное слово!

«Извиняется? За что?» — во взгляде Яньгу, устремленном на Судью, промелькнуло искреннее недоумение. Люцзин виновато расплылся в улыбке и поспешил замять неловкость:

— Владыка, перейдем к делу.

Яньгу едва заметно кивнул и жестом подозвал Люцзина ближе. Тот бесшумно поднялся на возвышение и застыл по правую руку от трона, устремив взор на залу.

— Встаньте оба, — ровным голосом повелел Хозяин Преисподней.

Цзюцин послушно поднялся на ноги. Свободные одежды девушки рядом с ним зашелестели: она тоже медленно поднялась с колен и обратила к судьям свое лицо.

Едва взглянув на нее, Люцзин понял, отчего даже самые черствые души Подземного царства оплакивали безвременную кончину несчастной. На ней было простое белое платье, перехваченное узорчатым поясом, выгодно очерчивающим хрупкую талию. Очертания девичьего стана дышали благородной грацией. И пусть лик ее отливал могильной бледностью, а в глазах застыла мертвенная тоска, былая красота девы по-прежнему ослепляла. Настоящее сокровище подлунного мира, загубленное безжалостной смертью.

От нее веяло беззащитностью и хрупкостью — один лишь взгляд на нее пробуждал в душе щемящую жалость и желание укрыть от любых невзгод.

«И надо же, у нашего неотесанного Цзюцина выросла такая прекрасная дочь... Несправедлива штука жизнь», — невольно позавидовал Люцзин.

— Цзюцин, — заговорил Яньгу, краем глаза уловив мечтательную мину своего Судьи, но оставив ее без внимания. — Сегодня ты здесь по просьбе души, что стоит подле тебя. Это Вэй Чжиюэ. Перед тем как покинуть мир живых, она просила передать тебе важную весть.

«Вэй Чжиюэ? Кто это вообще?» — растерянно подумал парень. Он медленно повернул голову к незнакомке, и в ту же секунду его взгляд остекленел. Он застыл как вкопанный.

Неужели это она? Черты лица, изгиб бровей...

— Синьи?.. — выдохнул он, едва веря собственным глазам.

«Погоди, он принял ее за свою возлюбленную? Он действительно не знал, что у него родилась дочь?» — Люцзин ошарашенно моргнул.

При этом имени девушка задрожала всем телом, закрыла лицо руками и горько разрыдалась. Из ее груди вырвался надрывный, полный невыразимой тоски плач:

— Отец...

Это короткое слово эхом прокатилось под мрачными сводами. Цзюцин опешил. Фань Уцзю вытаращил глаза. Даже Люцзин онемел от изумления.

Зрелище ломало всякие законы логики. Внешне Цзюцину нельзя было дать больше двадцати двух лет, да и погибшей Вэй Чжияюэ едва исполнилось двадцать. Стоя рядом, они походили на прекрасных влюбленных из древней баллады, но никак не на родителя со своим чадом. И надо же было случиться такому чуду, чтобы узы крови связали их именно здесь, в мрачной Палате Яньло!

Разум Цзюцина отказывался принимать услышанное, однако слезы, мгновенно хлынувшие из его глаз, выдавали рвущиеся наружу чувства. Голос парня сорвался на сиплый, едва различимый шепот:

— Как... как ты меня назвала?

— Отец! Я Чжияюэ... плоть от плоти твоя и матушки Синь!

Люцзин пораженно качал головой — трагическая встреча обернулась щемящим семейным воссоединением, которого никто не мог предвидеть.

Судья никогда подробно не расспрашивал друга о его земном прошлом. Ему было известно лишь то, что родители Цзюцина ушли вслед за сыном в течение полугода после его безвременной кончины. Дома у погибшего осталась молодая вдова, ради которой он и отверг чашу забвения, отказавшись ступить в Круг перерождений. Все эти долгие двадцать лет верный Цзюцин томился в Подземном царстве исключительно ради своей ненаглядной Синь.

Настоящий мученик любви. Он цеплялся за призраки прошлого, изо дня в день созерцая чужие смерти и бренность бытия, но оставаясь слеп к собственному предназначению.

— Матушка поняла, что носит меня под сердцем, уже после твоих похорон, — сквозь слезы поведала Чжияюэ сокровенные тайны прошлого. — Спустя три месяца от тоски угасла бабушка. Дедушка не вынес двойного удара, слег и больше не поднимался. Он бредил днями напролет, и матушка так и не успела рассказать ему перед смертью о скором прибавлении в семье...

При упоминании покойных родителей Цзюцин зарыдал в голос. Он вспомнил, как бережно они относились к нему даже у Моста Беспомощности перед уходом в новую жизнь.

— Отец... Матушка... — сокрушенно шептал он, спрятав лицо в ладонях.

Люцзину, лишенному радости семейного очага, эти излияния родственных чувств казались чем-то далеким и непостижимым. И все же вид безутешного товарища заставил его сердце

сжаться от глухой, давящей боли.

Чжиюэ подняла на отца заплаканное, бледное лицо. И пускай в ее облики уже не осталось тепла живой плоти, ее взор сиял искренней любовью:

— Папа... Прошлого не воротишь. Умоляю, не надо слез.

Цзюцин судорожно утер лицо широким рукавом халата и бережно сжал ледяные ладони дочери в своих руках. Голос его охрип от подступивших к горлу рыданий:

— Неужели это правда?.. Наша с Синь крошка...

«Глупый ты, Цзюцин, — тоскливо подумал Люцзин. — Очнись. Твоя дочь мертва. Какая разница, чья она кровь, если ее ждет забвение? Ей нельзя остаться с тобой в царстве теней».

— Отец, мне так не хватало тебя! — Чжиюэ сокрушенно прильнула к его груди.

Цзюцин крепко прижал ее к себе, осторожно поглаживая шелковистые пряди ее волос. В каждом его движении сквозила безграничная отеческая нежность.

Люцзин растроганно улыбнулся. Фань Уцзю тоже не выдержал — богатырские плечи Черного Непостоянства задрожали, и он украдкой смахнул соленую слезу с сурового лица. Се Биань лишь искоса глянул на напарника, пряча мысли за непроницаемой маской равнодушия. Люцзин готов был поклясться, что угрюмый здоровяк Фань радуется за обретенное счастье друга ничуть не меньше его самого.

Наблюдавший за сценой с высоты судейского кресла Яньгу расценил молчание как знак окончания свидания. Последняя воля усопшей была исполнена, а значит, пришло время следовать закону.

— Вэй Чжиюэ, — его ледяной голос эхом разнесся по зале, прервав трогательное единение. — Твое желание исполнено. Настал час покинуть этот чертог.

Безжалостные слова Владыки мгновенно развеяли хрупкое тепло встречи. Перепуганные отец и дочь вскинули на него глаза. Чжиюэ опомнилась первой. Прежде чем кто-либо успел возразить, она без сил опустилась на колени перед судейским помостом:

— Владыка! Умоляю вас, сжальтесь! Позвольте мне остаться здесь, подле отца! Мы едва обрели друг друга... Я... я не смогу пережить разлуку с ним вновь!

Следом за ней на колени рухнул и Цзюцин, гулко стукнувшись лбом о гранитные плиты:

— О Великий Янь-ван! Смилуйтесь! Цзюцин умоляет вас о пощаде!

Сердобольный Фань Уцзю тоже не остался в стороне. Припав на одно колено, он зычно пробасил:

— Владыка, этот малый верой и правдой служил нашему ведомству целых двадцать лет. Не щадя сил, сносил все тяготы здешней службы. Рок разлучил их при жизни, позвольте же узам крови восторжествовать хотя бы в посмертии. Проявите снисхождение!

За все время знакомства с Се Бианем Люцзин ни разу не видел на лице Белого Непостоянства столь безграничной тоски. Тот обреченно вздохнул и склонил голову:

— Просим вашей милости, Владыка.

Двое из четырех присутствующих уже заступились за несчастных. Люцзин почувствовал, что если он смолчит, то совершит предательство по отношению к лучшему другу. Он уже примерился, как бы половчее опуститься на колени, но Яньгу опередил его:

— Если вам суждено было расстаться на земле, то к чему тщетные надежды в Подземном царстве? Черное и Белое Непостоянство, вы — Призрачные посыльные. Вам ли не знать, какова цена за нарушение священного порядка Подземного царства?

«Цена?» — мысленно встрепенулся Люцзин, напряженно вглядываясь в лицо Владыки.

Фань Уцзю виновато опустил глаза, Се Биань замер каменным изваянием, а Цзюцин так и остался лежать ниц, не смея поднять головы. В глазах Чжюэ отразилось то же непонимание, что читал в них сам Судья. Яньгу перевел тяжелый взгляд на Люцзина и с редким для него терпением пояснил:

— Плата за вечное пребывание Цзюцина в Подземном царстве — окончательный отказ от права на перерождение в мире живых.

Люцзин оцепенел. Холодная волна осознания окатила его с головы до ног. Ради призрачной надежды вновь увидеть Синьи его верный друг добровольно обрек себя на вечное изгнание из Круга перерождений!

Словно почуяв смятение товарища, Цзюцин медленно приподнялся с колен. На его измученном лице застыла непоколебимая решимость:

— Мне не нужна вечность... Клянусь, мне хватит и краткого мига! Позвольте побыть с Чжюэ хотя бы день, хотя бы час... Пусть после этого наступит рассеивание души и духа, я приму эту кару без ропота!

Сердце Люцзина разрывалось от жалости. Он слишком хорошо понимал метания несчастного. С одной стороны — недосыгаемая любимая, с другой — внезапно обретшая плоть родная дочь. Двадцать мучительных лет ожидания превратили его посмертие в пытку. Наверняка он жаждал встречи с Синьи, но страшился того, что дочь разделит его горькую участь. Теперь перед ним стоял выбор, в котором любое решение вело к неминуемой гибели. Он не мог потерять ни одну из них. И уж тем более не должен был сгинуть без следа в небытии.

Все это время именно Цзюцин поддерживал его в мире теней. Пришла пора вернуть долг. Люцзин расправил плечи и звучно произнес:

— Владыка, если мне не изменяет память, в своде уложений Подземного царства есть статья, позволяющая Судье взять жену. Ведь так?

В зале воцарилась звенящая, мертвая тишина. Спину Люцзина обожгло столь испепеляющим взглядом Владыки, что ему показалось, будто его одежда сейчас вспыхнет синим пламенем.

Бесстрастный облик Яньгу треснул. Сорвавшись с трона, он в ярости грохнул ладонью по подлокотнику:

— Вздор! Дерзость несусветная!

Гнев Хозяина Преисподней заставил Люцзина похолодеть. За пять месяцев верной службы он ни разу не видел Владыку в ярости — тот никогда не повышал голоса и не терял самообладания. Столь бурная вспышка заставила Судью не шутя испугаться за свое будущее. Дразнить спящего тигра было верным самоубийством, но ради спасения друга Люцзин был готов пойти напролом.

— Владыка, дева Чжиюэ кротка нравом, изящна и благородна. Мое сердце не устояло перед ее очарованием, и я прошу дозволения назвать ее супругой. Умоляю вас, благословите наш союз!

— Люцзин низко склонил голову, изображая глубочайшее почтение. На самом же деле он просто безумно боялся встретиться взглядом со свирепым взором разгневанного божества.

«Прекрасная дева — достойная награда для мужа, не так ли? — тем временем бушевал в разуме Яньгу ледяной ураган. — Сколько бы веков ни прошло, сколько бы раз ты ни перерождался, твоя порочная, ветреная натура так и осталась неизменной!»